

*Филатов Константин Максимович
студент 2 курса специалитета,
юридический факультет,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород
e-mail: konstanteen.filatov@gmail.com*

*Научный руководитель: Новоселова Антонина Николаевна,
доцент, кандидат филологических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород*

ЦЕЛИ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

***Аннотация:** Интернет-пространство как коммуникативная среда занимает важное место в жизни современного человека, что обусловлено соответствующими техническими возможностями для моментальной коммуникации в различных (не только текстовых) формах. Сети фактически приравниваются законодателем к публичным пространствам и направлена на постоянное увеличение количества пользователей, в том числе пользователей с девиантным поведением. Мы считаем актуальным изучить некоторые лингвистические аспекты коммуникации, которую провоцируют пользователи с девиантным поведением в социальных сетях. Целью исследования является систематизация речевых стратегий и соответствующих им целей, а также соотнесение их с конкретными формами виртуального общения, в которых девиантное речевое поведение наиболее часто проявляется.*

***Ключевые слова:** девиантное поведение, речевая стратегия, виртуальная коммуникация, девиантная коммуникация.*

*Filatov Konstantin Maksimovich
2nd year student of specialty,
Faculty of Law,
Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky,
Russia, Nizhny Novgorod*

*Scientific adviser: Novoselova Antonina Nikolaevna,
associate professor, candidate of philological sciences,
Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky
Russia, Nizhny Novgorod*

GOALS OF SPEECH STRATEGIES AND LANGUAGE MEANS OF THEIR IMPLEMENTATION IN THE TEXTS OF USERS OF SOCIAL NETWORKS WITH DEVIANT BEHAVIOR

Abstract: *The Internet space as a communicative environment occupies an important place in the life of a modern person, which is due to the corresponding technical capabilities for instant communication in various (not only text) forms. Networks are actually equated by the legislator with public spaces and are aimed at constantly increasing the number of users, including users with deviant behavior. We consider it relevant to study some linguistic aspects of communication provoked by users with deviant behavior in social networks. The aim of the study is to systematize speech strategies and their corresponding goals, as well as to correlate them with specific forms of virtual communication, in which deviant speech behavior is most often manifested.*

Keywords: deviant behavior, speech strategy, virtual communication, deviant communication.

Девиянтное поведение в праве – это вид поведения, отклоняющегося от предусмотренных законом нормативно-правовых предписаний, определяемое как «юридически значимое девиантное поведение» [1, с. 43].

Оно может выражаться в языковой личности говорящего, и тогда мы говорим о девиантном речевом поведении. Девиантное речевое поведение – это проекция человеком такого речевого поведения, которое не соответствует ролевым ожиданиям общества и «выходит за рамки норм, установленных в определенной коммуникативной среде» [2, с. 79]. Такая модель поведения распространена в социальных сетях и иных виртуальных коммуникативных системах, что обусловлено рядом специфических условий и факторов, характеризующих виртуальную коммуникацию. Например, заочный тип общения, относительная анонимность пользователей социальных сетей, глобальность, отсутствие необходимости вербальных средств коммуникации и своевременного, моментального контакта с пользователем, наличие допустимых условностей, связанный с культурой коммуникации в Интернете, которая, по нашему мнению, отличается от культуры живого, непосредственного общения. Целью исследования является систематизация речевых стратегий и соответствующих им целей, а также соотнесение их с конкретными формами

виртуального общения, в которых девиантное речевое поведение наиболее часто проявляется.

Данные факторы создают обманчивое чувство безнаказанности, отсутствия ответственности за высказывания в адрес другого человека в социальных сетях. Сегодня данное явление признается общественно-опасным (оскорбление, унижение человеческого достоинства). Актуальным является вопрос регулирования законодателем социальных сетей в рамках федерального законодательства с целью недопущения совершения новых и уже реальных преступлений (призыв к экстремистской деятельности [12]).

Девиантное речевое поведение имплицитно в каждой конкретной коммуникации в изначальных, скрытых для собеседника коммуникативных целях. По нашему мнению, это главный признак, идентифицирующий девиантную коммуникацию.

Дополнительно можно выделять факторы, сопровождающие девиантную коммуникацию. Например, А. А. Шмаков пишет, что «всегда есть некая до коммуникативная ситуация противоречия между партнерами по коммуникации, а именно: имеющиеся разногласия в интересах, установках, целях, во взглядах и мнениях, подлежащих актуализации в ходе общения» [3, с. 298]. Наличие конфликта интересов, мнений коммуникантов рассматривается как условие для инициации потенциально агрессивной коммуникации, тем не менее коммуникант может вступать в дискурс используя речевую агрессию, при этом он может не проявлять признаки девиантного поведения в речи, так как изначальной целью будет являться конструктивный дискурс, обсуждение вопроса, приводящий к последовательным, логичным выводам. Следовательно, наличие конфликтной до коммуникативной ситуации является дополнительным признаком.

Изначально следует исследовать акт коммуникации в модели - ситуации, изучить контекст (в том числе записи, к которой был оставлен комментарий), чтобы определить направленность и цели коммуникантов, актуализируются ли их конфликт интересов в ходе коммуникации, стремятся ли коммуниканты

прийти к неким выводам в ходе дискуссии. Далее необходимо изучить языковую составляющую коммуникации, это могут быть используемые языковые средства и их коннотация, речевая агрессия.

Пользователи с речевым девиантным поведением выбирают соответствующие речевые стратегии интернет-коммуникации, способствующие реализации поставленных целей. Отметим, что разделение целей условное: в каждом конкретном случае пользователь с девиантным поведением может ставить несколько целей. Основываясь на работах А. В. Курьянович, Т. А. Воронцовой, А. А. Сапожниковой мы предложили данную систематизацию целей девиантной коммуникации: 1) Социальная провокация (открытая или скрытая, индивидуальная или общественная), 2) Деструкция (бесцельная конфронтация, бесцельное проявление речевой агрессии, «позитивная» деструкция), 3) привлечение внимания для реализации специфических целей (флуд, оффтоп, спам, «вирусная» реклама).

Ключевым аспектом в определении девиантной коммуникации является не столько характер используемых языковых средств, сколько намерение лица получить определенный результат от использования тех или иных языковых средств. По мнению Т. А. Воронцовой, «Характер речевого события, коммуникативные роли адресанта и адресата, особенности употребления языковых и речевых средств позволяют выявить функцию того или иного высказывания в составе данного коммуникативного акта и таким образом определить коммуникативную цель адресанта и соответствующие этой цели намерения» [4, с. 110]. Следует отметить, что итоговая цель коммуникации не всегда тождественна выявляемому в данный момент намерению пользователя с девиантным поведением.

Рассмотрим провокацию как наиболее типичную цель речевых стратегий в девиантной виртуальной коммуникации. Под провокацией понимается «особая совокупность речевых актов, приводящая к выполнению конкретных (необходимых провокатору), осознанных, вербальных и невербальных действий со стороны адресата» [5, с. 314]. Такие действия пользователя изначально

направлены на целенаправленное создание условий для агрессивной речевой коммуникации. Если речевую агрессию первым проявляет адресат, то можно говорить о скрытой провокации.

Индивидуальная провокация направлена на эмоциональную дестабилизацию определенного коммуниканта и инициируется пользователем с девиантным поведением с помощью инвективной обсценной лексики, чаще всего выражается в форме оскорбления, т.е. эксплицитной речевой агрессии. Следует отметить, что обсценная лексика используется в совокупности с лексемами других категорий, так как выражение оскорбления через нецензурную лексику, во-первых, часто игнорируется интернет-пользователями, что обусловлено ростом культуры интернет-коммуникации в последние годы, во-вторых, существует риск удаления такого комментария или блокировки пользователя, что не позволяет лицу с девиантным поведением достичь эмоциональной дестабилизации или засвидетельствовать ее непосредственно в коммуникации.

Индивидуальная эмоциональная провокация как цель реализуется в речевой стратегии «толстого» или явного троллинга, т.е «форме социального подстрекательства в виртуальном интернет-тексте, представляющая собой сознательный обман, клевету, провокацию, а также призыв к неблагоприятным действиям. Троллями называют интернет-коммуникантов, которые провоцируют столкновение в Сети, чаще всего с переходом на личности» [6, с. 126].

Пример комментария под записью в сообществе социальной сети «ВКонтакте» [13]. В данном примере мы видим, как пользователь пытается вступить в коммуникацию путем оставления комментария, при этом целью коммуникации изначально является эмоциональная провокация пользователя, оставившей свой комментарий с содержанием ее критической оценки. Пользователь отвечает на этот комментарий, при этом ярко выражена речевая агрессия (сравнительный оборот *«как баба яга выглядишь»*, *«как таракан под дозой»*). Пользователь имплицитно выражает свою негативную оценку

внешности пользователя (выражается через призыв *«Беги к стилистам»*, применение слов с отрицательной коннотацией отношения *«абсурдом всего этого вместе взятого»*, *«устрашающего идиотизма»*). Пользователь применяет риторический вопрос со сравнением, в котором проявляется отрицательное негативное отношение: *«Ты как баба яга выглядишь, ты в курсе?»*. Таки образом, он провоцирует агрессивную реакцию на комментарий, то есть реализует цель речевой стратегии троллинга.

Социальная провокация - более сложное явление, это провокация, направленная на создание деструктивного дискурса (не приводящего к определенным выводам), характеризующегося речевой агрессией, между пользователями, как правило, представителями разных социальных групп. Наиболее эффективны в этом аспекте провоцирующие высказывания, связанные с политикой, религией, различными социальными и социально-политическими явлениями (митинги, движения и прочее). Используются лексические единицы со сниженной стилистической окраской. К данной категории относится молодежный сленг, сетевой жаргон, игровой сленг, вульгаризмы, просторечные слова и иные лексемы, которые выражают негативную коннотацию отношения. С точки зрения семантики они могут входить в следующие семантические группы:

1. лексемы, характеризующие отрицательные признаки по внешности:

- отражающие особенности внешности отдельных национальных, расовых, этнических групп с негативной коннотацией отношения (*«черномазый»*, *«обезьяна»*, *«желтопузый»*, *«узкоглазый»*, *«снежок»*).

- отражающие особенности внешности профессиональных социальных групп, в то числе отдельных творческих коллективов и особенности внешности молодежных субкультур (в отрицательной коннотации *«смазливые»*, *«сладкие»*, *«клоны»*, *«гопник»*, *«неформал»*).

2. лексемы, характеризующие поведение человека

- Отрицательное поведение с точки зрения общества (*«неадекват»*, *«агриться»*, *«бомбить»*, *«быдло»*, *«быдлан»*);

- Отрицательное поведение, по субъективной оценке, коммуниканта («клоун», «токсик»).

- Положительное поведение с точки зрения общества, но в отрицательной коннотации («морализаторствовать»)

3. лексемы, характеризующие принадлежность человека к социальной группе по политическому («ватник», «провластный», «кремлебот», «фашик», «нацик», «русофоб»), религиозному («иудей»), национальному («хохол», «пендос», «рашка») критерию;

4. лексемы, характеризующие когнитивные способности, в том числе связанные с заболеваниями («аутист», «дибил», «дегенерат», «дегроид», «деградант», «аут», «дцп»);

5. лексемы, характеризующие человека по возрастному признаку («школьник», «дед», «бумер», «совок»), половую («спермобак»), социальную («богачей», «рабочий класс», «крестьяне», «простые смертные»), профессиональную принадлежность или принадлежность по роду занятий («киберкотлета», «рэперок», окказионализмы с приставкой «недо», различного рода феминитивы «блогерка», «авторка», используемые в контексте с явно негативной коннотацией).

Особым образом выделим инвективную окказиональную лексику, укрепившуюся в языке интернет-коммуникации, которая выражает коннотацию отрицательного отношения к собеседнику по признаку его принадлежности к той или иной политической группе, партии, течению («крымнашист», «коммуняка», «дерьмократ», «левак», «либералист», «навальнята»), а также лексемы смежного значения («ватник», «агрошкольник»). Вышеперечисленные семантические группы лексем являются наиболее употребительными в речевой коммуникации с эксплицитной речевой агрессией.

Рассмотрим следующий пример из сообщества социальной сети «ВКонтакте» [14]. В данном случае пользователь, выражая положительное отношение к действиям лиц, упомянутых в записи (оценка действий «правильно сделали»), спровоцировал тем самым дискурс. Поскольку затруднительно

выделить конкретные цели коммуникации и явные признаки агрессии, то следует исследовать больше высказываний пользователя в рамках дискурса.

Он противопоставляет себя социальной группе [15], при этом использует лексемы с негативной коннотацией отношения к данной группе («*Почему только зумеры против моего высказывания?*», «*Сначала готов терпеть, потом [людей нетрадиционной сексуальной ориентации]*»). Результатом социальной провокации является вступление в деструктивный дискурс иных пользователей. Деструктивный дискурс – результат социальной провокации, в иных случаях он может быть направлен на разжигание межнациональной розни.

Обобщив основные признаки деструкции в научном дискурсе виртуальной девиантной коммуникации, мы предлагаем следующее понятие: деструкция – это поставленная, осознаваемая лицом цель коммуникации, содержание которой заключается в недопущении конструктивного, логически-связанного диалога, минимизации полезного или положительного эффекта от данной коммуникации участниками, которая реализуется посредством постепенного, вербального воздействия пользователя с девиантным поведением на своего собеседника и на процесс коммуникации в целом. Пользователь с девиантным поведением может самовольно вступать в диалог между двумя людьми и препятствовать развитию диалога между ними. Бесцельная конфронтация и бесцельное проявление речевой агрессии – это наиболее малоизученные явления интернет-коммуникации, связанные с особенностями не только социального, но и психологического характера личности.

Мы предлагаем также отдельно выделить «позитивную» деструкцию, которая выражается в такой форме речевой коммуникации как «эльфинг». В отличие от бесцельной конфронтации, которая направлена на наиболее продолжающийся конфликтный диалог, данная речевая стратегия направлена на имплицитное выражение агрессии (в форме саркастического, иронического комментария). Лексические маркеры эльфинга – слова с «комплементарными» компонентами смысла, помогающие реализовать стилистический прием иронии, в подтексте функционирует как едкая насмешка и сарказм [2, с. 83]. Например,

выражения «теперь заживем», «солнцеликий», «креативное решение» и прочее. Важным аспектом исследования является контекст записи, к которой был оставлен комментарий или контекст диалога.

Таким образом, мы считаем, что в наиболее обобщенном виде пользователь с девиантным речевым поведением в виртуальной коммуникации ставит перед собой следующие цели: эмоциональная индивидуальная провокация (в форме открытого или скрытого троллинга, а также целенаправленного кибербуллинга как более жестокой формы), социальная провокация (в тех же формах, содержащая элементы подстрекательства), целенаправленная деструкция логически-связанного диалога, деструкция на уровне бесцельного проявления речевой агрессии или бесцельной конфронтации (в форме флейминга, элфинга), а также иные специфические цели (реклама, засорение виртуальной среды общения, медиа-атаки с помощью иных средств коммуникации, донесение нежелательной информации в форме «спойлеринга» и.т.д.). В научном дискурсе развивается проблема определения типовых речевых стратегий, применяемых пользователями с социальным девиантным поведением в виртуальной коммуникации. Мы считаем, остается актуальным вопрос о формировании, развитии и глубоком анализе целей коммуникации, а также тех речевых средств, которые могут быть использованы пользователем для достижения данных целей. Следует помнить об определённой специфике виртуальной коммуникации, наличии множества прецедентных текстов, а также отдельных технических и культурных аспектов, проявляющихся в речевой среде. Особенности виртуальной девиантной коммуникации помогают выделить функциональные элементы и анализировать их с точки зрения наличия или отсутствия оскорбительного подтекста.

Список литературы:

1. Гурьянова В.В. Сущность понятия «Девиантное юридически значимое поведение» и его соотношение с понятием «Девиантное поведение» // «Проблемы экономики и юридической практики». 2013. № 6. С. 41-44.

2. Курьянович А.В. Девиантное речевое поведение пользователей сетевой переписки: факторы дискурсивной обусловленности и формы проявления // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (184). С. 78-86.
3. Шмаков А.А. Речевые тактики девиантного коммуникативного поведения пользователей сети Интернет // «Экология языка и коммуникативная практика». 2015. № 1. С. 293–305.
4. Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. № 2. С. 109-116.
5. Середухина Т.А. Провокация как коммуникативная неудача // «Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета». 2013. № 10. С. 314-323.
6. Мозговая А.О. Провокационные стратегии: троллинг и хейтинг в немецко-язычных интернет-текстах // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 119-131.
7. Гриценко Л.М., Демидова Т.А. Коммуникативная стратегия дискредитации в интернет-коммуникации (на примере троллинга) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 29-42.
8. Надеина Т.М. Троллинг в интернете: лингвистические и правовые аспекты // «Гуманитарные технологии в современном мире»: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Калининград: западный филиал РАНХИГС. 2018. С. 71-73.
9. Дускаева Л.Р., Коняева Ю.М. Троллинг в русскоязычных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: «Журналистика». 2017. № 5. С. 84-100.
10. Сапожникова А.А., Ленец А.В. Кибербуллинг как форма провокативного речевого поведения в сети интернет // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 51. С. 39-50.

11. Посиделова, В. В. лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 13-17.
12. Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
13. Запись сообщества «Рогов в Деле» от 02.04.2021 13:08 в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://vk.com/wall-65886767_48654?reply=48683 (дата обращения: 17.04.2021 г.)
14. Комментарий к записи сообщества «СТЫД» от 04.04.2021 8:24 в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://vk.com/wall-133180305_26062917?reply=26062930 (дата обращения: 05.04.2021 г.)
15. Комментарий к записи сообщества «СТЫД» от 04.04.2021 8:39 в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://vk.com/wall-133180305_26062917?reply=26063044&thread=26062930 (дата обращения: 05.04.2021 г.).